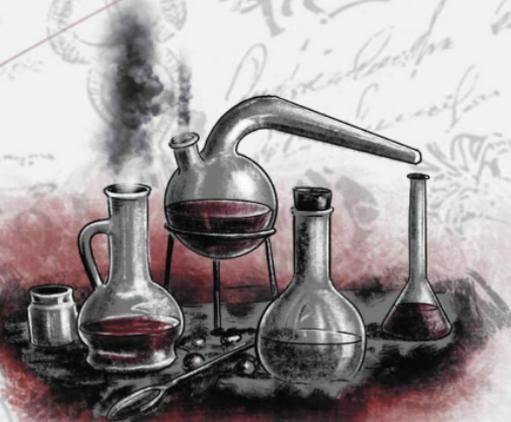

ГРИФОНЫ ВАСИЛЬЕВСКОГО ОСТРОВА

ПОПАДАНЕЦ
В АЛЬТЕРНАТИВНОЕ ВРЕМЯ

ЮРИЙ КОРЧЕВСКИЙ

Юрий Григорьевич Корчевский Грифоны Васильевского острова. Попаданец в альтернативное время Серия «Попаданчество»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70315816

Грифоны Васильевского острова: попаданец в альтернативное время /

Юрий Корчевский: Феникс; Ростов-на-Дону; 2024

ISBN 978-5-222-39169-3

Аннотация

Немцев в России так же много, как и голландцев, все в свое время были приглашены царем-плотником Петром Великим. Большинство приехали на заработки, на время, а остались навсегда. Зачем уезжать? Русский народ хлебосольный, приветливый. Если приложить европейскую хватку да умение и желание, многого достичь можно. Вот и Вильгельм Христофор Эренфрид, называвший себя для простоты Василий Васильевич Пель, в 1850 году приобрел по случаю задешево аптеку в двухэтажном здании на Седьмой линии Васильевского острова. Да квартал оказался аптекарским, где занимались не только фармацией, но и алхимией.

Содержание

Глава 1

5

Конец ознакомительного фрагмента.

21

Юрий Корчевский Грифоны Васильевского острова. Попаданец в альтернативное время

© Корчевский Ю., текст, 2021

© ООО «Феникс», оформление, 2024

Глава 1

Ученик Пеля

Матвей считал, что ему повезло. После окончания церковно-приходской школы отец пристроил его на работу по знакомству к доктору Пелю. Василий Васильевич только-только открыл свою аптеку. Невелик тогда был Санкт-Петербург, а Васильевский остров – почти центр города, причем старинный. Не так много времени прошло, как землей засыпали каналы. Раньше каждая линия была речным каналом, передвигались на лодках, весельных и парусных, как обязывал государь. А как почили в бозе он да Екатерина, каналы засыпали. Все же русский человек по земле привык ходить, а не плавать, как иные в Венеции. А названия так и остались. Первая линия, Семнадцатая, да прочие по счету.

Работа для Матвея нетяжелая, только усердия требует – записать в гроссбух приход товара с ценой. А потом показать расход, уже в готовых порошках, пилюлях да облатках. Хуже всего приходится в конце недели, когда считать надо, сводить цифры. Если бы не деревянные счеты, так и до заутреннего молебна в воскресный день не успел бы.

Аптека большая, весь первый этаж занимает. На втором этаже сам Пель с семьей живет, а в подвале – лаборатория. Пель смешивает разные снадобья, составляет микстуры, ибо

готовых лекарств не существует. Даже самолично маленьким ручным прессом делает из порошка таблетки, все же их пить удобнее. Хозяин – труженик великий, допоздна в подвале засиживается. Двое сыновей у него, но не помощники пока, малы еще.

Однако со временем до Матвея слухи доходить стали, вроде как Пель то ли алхимией занимается, то ли чернокнижием, чародейством. Алхимией – это понятно, весь квартал этим живет. Каждый химик всегда алхимик, хочет судьбу испытать. А вдруг удастся создать философский камень? Тогда железо в золото превращать можно. Мало того, что обогатиться, так продать открытие государю можно. Нельзя, чтобы камнем сим бесконтрольно владели и пользовались, ибо золото тогда в цене упадет, будет металлом никчемным. Ни оружие из него не сделать, ни молоток – слишком мягкое. Зато не ржавеет, можно раскатывать листы и крыши крыть. Потому во всем умеренность нужна. А еще философский камень другие выгоды давал – молодость хозяину камня вернуть, даже в другие миры перенестись, о чем и подумать грешно и страшно.

Если в разговоры о золоте Матвей верил, то в другую жизнь – категорически нет. Жизнь – она или здесь, или, как утверждают священники, загробная. И вроде даже там разделение есть: грешникам – ад, а праведникам – райские кущи. Матвей в Бога верил, в церковь ходил, старался жить по заповедям – не укради, не убий, не возжелай... Это легко,

когда страстями не обуреваем.

Каморка Матвея находится у входа в подвал. Здесь он работает, а когда-никогда и спит на лавке. Петербург – город дождливый, сырой, да к тому же стоит на берегу залива не самого теплого моря. Если утром дождя нет, то вечером жди. Но это еще мелочь. Страшны наводнения, когда вода морская нагонным ветром заливала город, поднималась выше ординара на три пяди, а то и пять аршин. В Петропавловской крепости футшток установлен еще императором Петром I, и каждый день смотритель определяет уровень воды. Вот когда наводнение, тогда беда. И люди гибнут, и животные, и товары в лавках.

Слухам и сплетням Матвей не верил. В алхимию и золото – да, многие пробовали, но пока безрезультатно. Однако алхимия – не обманка, потому как Матвей сам держал в руках и железо, и золото. И церковь имела оклады икон в серебре и золоте. Благолепно сие!

Все же по натуре любопытен человек. Вечером аптека для покупателей закрывалась. Пель спускался в подвал, начинал готовить порошки и микстуры. И решил Матвей понаблюдать за ним. Тихонько спустился по пологой лестнице до середины, сел на ступеньку. Лестница в сумраке, его не видно. В подвале несколько масляных светильников горят, все равно свет тусклый и воздух тяжелый от сгоревшего масла. Масло обычно использовалось льняное или конопляное, оно и в пищу шло, кашу сдобрить. Причем Пель на масле не эко-

номил, брал дорогое. Как-то раз Матвей не удержался, обмакнул хлебную горбушку в горшочек с маслом, попробовал. Вкусно! Дома родители покупали что подешевле, а оно качеством похуже.

Матвей сидел не шелохнувшись. Пель отвечивал на аптечных весах порошки, смешивал ингредиенты, заворачивал в пергаментную бумагу, а потом в бумажные пакетики. На пакетах писал фамилию заказчика. Со стороны – обычная работа фармацевта или провизора. Матвею даже скучно стало. Встать бы и уйти, но он ждал, когда Пель ходить по подвалу начнет, чтобы шороха с лестницы не было слышно, если таковой случится.

А потом интересное пошло. И ноги будто приросли к месту. Хозяин газовую горелку зажег, стал в колбе жидкость кипятить. Бурлила она, пар или дым из горловины шел. Пель подсыпать в колбу разные составы стал – понемногу, аккуратно, на кончике ножа. Жидкость цвет меняла, пока не стала зеленой. Пель пропустил жидкость через несколько слоев хлопчатой ткани. Ага, это уже понятно Матвею – фильтр. Хозяин довольно похмыкал, даже вроде мелодии какой-то затянул, однако ни слуха, ни голоса нет, не наградил Господь. Пель с переездом в Россию вероисповедание не сменил, католиком остался. И в церковь католическую ходил, что на Большой Конюшенной была. И крестился не так, как православные, Матвей сам видел.

Пель руки потер, прошел в дальний угол подвала, раздал-

ся щелчок, открылась дверца. Матвей так и застыл. О существовании потайной дверцы он и не подозревал. Впрочем, подвал он не осматривал тщательно, хотя несколько раз в него опускался, помогал хозяину сносить мешки с химикатами. Тусклый свет светильника стал удаляться, слабеть. Интересно, куда ход ведет? Не выдержал, спустился в подвал, к столу подошел. На фильтре из белого ситца лежало несколько желтых крупинок. Неужели золото? Поверилось сразу. Наверно, алхимией разбогател, иначе откуда деньги на аптеку? Так ведь и соседний дом прикупил, имея в планах объединить его с аптекой. Пель сам говорил какому-то незнакомцу, называя его господином архитектором. Хотелось Матвею взять одну из крупинок, да поостерегся: вдруг Пель их посчитал?

Со стороны дверцы послышался кашель. Матвей стрелой взлетел вверх по лестнице. Оттуда – в свою каморку. Уселся за стол, стал щелкать костяшками на счетах. Через пару минут дверь открылась, заглянул Василий Васильевич:

– Ты ничего не слышал?

Матвей оторвался от счетов.

– Ничего.

– Странно. Наверное, показалось.

Видимо, проверял Матвея. Пель был человеком ученым, в отличие от подавляющего большинства владельцев аптек в квартале. Он был в числе первых выпускников Петербургской медико-хирургической академии. Кроме того, он пери-

одически выезжал в фатерланд, где знакомился с новинками фармацевтики, а позже Матвей стал подозревать – делился секретами алхимии.

В эту ночь Матвей долго не мог уснуть. Не давали покоя увиденные крупницы золота на фильтре. То, что их мало, ничего не значило. Если Пель нашел способ превращения металлов в золото, то дальше сможет усовершенствовать способ, выйти на промышленные масштабы. Это же какие деньги можно занять?!

Но Матвей был человеком осторожным, несмотря на юный возраст, и язык за зубами держать умел. Об увиденном даже родному отцу не говорил. Мог, правда, выпить и проболтаться приятелям. Тогда в лучшем случае – увольнение. Но Матвей опасался, что Пель может применить какие-нибудь заклинания. Памороки забить. Станешь дурачком или городским сумасшедшим. Не хотелось бы!

Матвей был парнем любознательным. Однажды спросил Пеля, что за буквы над входом в аптеку, вроде как нерусские. Хозяин усмехнулся:

– Латынь! *Ora et labora!* Молись и трудись!

Никаких изречений или девизов на других зданиях Матвей не встречал. Да и откуда им быть, ежели поразмыслить? Ведь Пель был единственный в то время, кто имел из аптекарей академическое образование. Матвей хозяина уважал, но и побаивался за вечерние и ночные бдения в подвале. Хоть и страшно ему было, иногда он подглядывал с лестницы за

хозяином. А как-то раз, когда Пель по делам уехал из города на несколько дней, Матвей отважился вечером спуститься в подвал. Осмотрел стол, химикаты на нем в склянках с мудреными названиями на латыни, которые и прочитать сложно, а уж сказать и подавно, язык сломаешь. Но больше интересовало его, что же скрывается за тайной дверцей в стене. При помощи масляного светильника обнаружил дверцу, хотя она сливалась со стеной, как будто бы специально. Но сколько ни пытался открыть, вводя лезвие ножа в щель, ничего не получалось. Либо замок хитрый, а то и еще хуже – особое заклинание знать надо. Только у Матвея любопытство еще сильнее стало. Сам по себе подвал – место, закрытое для посторонних, так еще и дверца потайная. Что за ней скрывается?

Прошло полгода. Матвея оценили за старательность, усердие. Он стал помогать хозяину, делать развеску порошков в подвале, изготовление таблеток. Работа скрупулезная, требующая точности, внимания, аккуратности. Зато и жалованье выше на целый рубль. И работа – половина дня в камерке с бумагами, вторая половина – в подвале. Правда, его одежда пропахла лекарствами. Как приходил домой, мама морщила нос:

– Эка от тебя пахнет!

И запах такой въедливый, что и стирка не выручала, – запах становился слабее, но не исчезал. Да многие профессии имели запах: рыбаки или хлебопеки, парфюмеры или кожемяки... Зато Матвей заметил, как хозяин открывал дверь.

Нажимал на что-то сбоку, дверца приоткрывалась. Правда, Пель прикрывал телом тот рычажок. И когда хозяин снова на несколько дней уехал и Матвей остался в аптеке один, он отважился открыть дверь. Поднес светильник к стене, а там пятно от руки. Рукой провел и нащупал под пальцами выступ. Нажал, внутри щелкнуло, дверца приоткрылась на палец, потянул ее на себя. Пламя светильника отклонилось в сторону дверцы. Стало быть, есть ток воздуха, где-то в глубине имелся выход наружу. Тогда почему хозяин им не пользуется? С бьющимся сердцем юноша осторожно двинулся вперед.

Коридор узкий и длинный, шагов двадцать, привел в большой зал. Если потолок еще был виден, то стены терялись в сумраке. И вроде бы какое-то движение слышалось, шорохи. Страшно стало. Кто там, в темноте? Остановился в нерешительности. А в темноте шелест и хлопки отчетливые, какие бывают, когда крупные птицы, например гусь, хлопают крыльями, разминаясь, готовясь к взлету. Да какие могут быть птицы в подвале?! И запаха нет. От птиц, если их много, запах специфический. Матвей побоялся дальше идти. А если и птицы, какой в том криминал? Может, для себя выращивает, к праздникам. Пятился задом, пока не добрался до дверцы. Захлопнул ее, раздался щелчок.

Уже наверху, в комнате, стал размышлять. Коли птицы, хозяин должен их кормить хотя бы раз в сутки. Но Матвей ни разу не видел, чтобы Пель нес зерно в подвал либо воду

в ведре. Любому животному нужен солнечный свет, которого нет в подвале. И еще непонятно, зачем такая таинственность. Почти все владельцы своих домов имеют в хозяйстве живность: у кого-то – корова или лошадь, у других – куры. В центре города в доходных домах проживают чиновный люд, купцы, врачи и учителя, люди городские, на окраинах – люди, перебравшиеся в город из деревень, привыкшие иметь птицу, скотину.

Потом, уже через несколько дней, Матвей нашел объяснение. Наверное, проводит на птицах испытания новых лекарств. Не получится – так никто не узнает о провале.

В аптеку и подвал стал захаживать старший сын хозяина, Александр. Живо интересовался разными колбами, пробирками, их содержимым. Однако отец старшего сына в таинства профессии пока не посвящал.

– Отучись в гимназии, – наставлял он. – А понравится фармация – в академию пойдешь, со временем займешь мое место.

Конечно, если есть прибыльное дело, почему бы не передать по наследству? Тем более хозяин дело расширял. Надстроил здание до пяти этажей, да еще мансарду. Но больше всего Матвей удивлялся трубе – вытяжке из подвала. Такие трубы не редкость, подвалы многих домов имели похожие, но размерами скромнее. Пель даже назвал ее башней. Она была сложена из кирпича, причем на каждом выписан номер – от ноля до девяти. Высокая – не меньше пятнадцати аршин,

да диаметр такой, что лошадь с телегой запросто вошли бы. Что занятно, труба теплая на ощупь, хотя уже осень наступила. Работники аптеки в шутку и всерьез спрашивали Пеля, зачем кирпичи пронумерованы. Отшучивался, говорил, чтобы каменщики кирпич не крали. Так каменщики с работы с пустыми руками шли, а кирпич в карман не положишь.

Пель снова по делам уехал на несколько дней в Германию. Обычно он возвращался с химикатами, которых в России не сыскать, а то и с новыми идеями, приспособлениями. И все шло обычным порядком, только в один из вечеров Матвей вдруг отчетливо услышал за потайной дверцей шорохи, какой-то шум, хлопанье крыльев. Давненько он не заходил в таинственный коридор и вот наконец решился. Знал уже, где рычажок, которым дверца открывается. Светильник прихватил, без него в подвале темно, ни зги не видно.

Дверь распахнул, по коридору успел несколько шагов сделать, а навстречу – чудище. Голова и тело льва, какие в скульптурах у многих дворцов возлежат. Так еще и крылья есть! Пытается чудище их расправить, да коридор узок – не получается. Свет от светильника в глазах твари отражается зеленым, как у кошек. И ступает мягко, неслышно, как кошка.

Матвей в ужасе попятился, едва не выронив светильник. Спиной к зверю не поворачивался, помнил, что люди говорили. Как повернешься спиной либо бежать надумаешь, так обязательно собака, волк либо медведь бросятся. Хотелось

повернуться и дать стрекача, тем более морда у зверя недобрая. Вот и порог. Выскочил ни жив ни мертв, дверь с силой захлопнул до щелчка. Да и тонкая дверь для зверя, пожелает – одним ударом лапы выбьет. Отдышался, вытер липкий пот со лба. Так вот каких тварей держит в подвале Пель! Матвей вроде бы где-то видел подобное, только на гравюрах или в виде скульптур. Начал припоминать и не мог вспомнить, до сих пор руки-ноги мелко тряслись от испуга.

Пошел наверх, в кабинет хозяина. Там на стеллажах книги стоят, в том числе энциклопедия. Название мудреное, нерусское, но Пель как-то Матвеем говорил, что там собраны все знания, только очень коротко. Вытащил солидный фолиант, стал страницы листать, а там и рисунки занятные. И буквально в начале книги, потому как «глаголь», увидел картинку, точь-в-точь повторяющую увиденную тварь в подвале. Называлась она грифоном, а ниже приписка – «мифическое чудовище, охраняющее потусторонние миры». Да какое оно мифическое, если Матвей его сам видел?! Он от ужаса еще не отошел. Неужели хозяин по образу и подобию картинки его создал? Так не черный ли маг он?

Сказать никому нельзя – не поверят, осмеют. И хозяин выгонит, если до него разговоры дойдут. Жалко работу терять, решил – никому ни слова. Ой, не прост хозяин, хотя с виду человек добродушный, солидный, да видимо – двуличный. Знают ли домочадцы о его тайной стороне жизни?

Как про грифонов прочитал, интересно стало, чем они пи-

таются. Ну не людьми же? И для чего они Пелю? Сумасбродная мысль мелькнула: не летает ли на них по ночам, чтобы днем не видно было?

Молчал, однако так и подмывало хозяина спросить, когда он вернулся.

В первый же выходной, в воскресенье, Матвей сходил на заутреннюю молитву в церковь, а потом отправился к Банковскому мосту. Мост охраняли четыре больших грифона, Матвей хотел их поближе рассмотреть. Грифонов, насколько он знал, можно было посмотреть в трех местах города: у Банковского моста, на набережной, напротив Академии художеств, и на фасаде дома на Моховой, где они держат балкон. Но на Моховой они высоко, на набережной – не целиком, только передняя их часть, а на Банковском мосту – крупные, и разглядеть со всех сторон можно. Пешком добираться далеко, но оно того стоит. Мост узкий, только для пешеходов, да по нему все солидные господа идут, что вовсе не удивительно – как раз напротив моста казначейство.

Долго кружился юноша вокруг грифонов. Тут они большие. Тот, что в подвале, вдвое меньше. Может быть, потому что незрелый? Интерес Матвея заметил господин.

– Нравится?

– Неужто такие на самом деле есть? – делано удивился Матвей.

– Наверное, с чего-то же их лепили.

– А почему здесь стоят?

– Не знаешь? Грифоны считаются самыми надежными хранителями золота. Потому стоят у казначейства.

И как-то сразу сложилось в голове у Матвея. Алхимические занятия Пеля, крупинки золота на фильтре, грифоны для охраны золота. Видимо, Пелю удалось добыть много золота, иначе зачем ему такие страшилища? Если золота хватит на колечко, то и грифон не нужен, можно на пальце носить либо продать ювелирам. Впрочем, это не его дело. Теперь он знал, что золото у Пеля есть, и много, хранится наверняка в подвале под охраной грозных тварей. Вполне понятно, что уважения к хозяину добавилось. Своими знаниями, упорным трудом он добился цели – разбогатеть. Если труд не приносит дохода, чтобы жить сытно и одеваться хорошо, это труд раба за кусок хлеба, набедренную повязку и навес над головой.

Ничего колдовского в действиях Пеля нет, только неясно, откуда грифоны взялись. Или их из Африки привезли, где и львы водятся? Ведь грифон – летающий лев, и какие-то прародители должны быть. Построив такие умозаключения, Матвей успокоился. Не чернокнижник Пель, не злой колдун, а человек с мозгами. Не только уважение возросло к хозяину, но и гордость. Поделиться бы с кем-нибудь, да нельзя. Но обладание тайной своей исключительностью распирало грудь.

Еще пару недель прошло, жизнь шла своим чередом. Поздним вечером Матвей сидел в каморке, считал на счетах,

Пель был в подвале. И вдруг странный шум за окном. Окно во двор выходило, с парадной, лицевой стороны здания – окна торгового зала аптеки. Распахнул окно Матвей, благо тепло. Шум сверху раздавался. Высунулся едва не по пояс, голову повернул. Ой! Да что же это творится! Из вентиляционной трубы грифоны вылетают, зависают над трубой, крыльями хлопают, издают то ли низкий рев, то ли стон. Да много их, с десятков, крупные, как на Банковском мосту. Угадал скульптор с видом и размерами, а может – в натуре видел.

Как-то разом грифоны выстроились цепочкой и улетели. Питерские дворы, они как колодцы, здание к зданию при-мыкает, и любой шум эхом отдается, усиливается. Потому наблюдал грифонов не только Матвей, но и другие жители. Тоже из окон высунулись, наблюдая невиданное доселе зрелище. И громко делились впечатлениями, размахивая руками. Матвей подумал, завтра слухи и байки по городу пойдут. Предупредить хозяина? Нет, пусть сам разбирается. Он их привез в подвал, а может, и создал, он пусть и отвечает. Лучше сделать вид, что ничего не слышал и не видел.

Но все же массовое появление летающих тварей имело последствие. Жители окрестных домов заявили в полицию о непотребствах. И уже через день в аптеку заявился усатый и дородный пристав. Сопел тяжело, ткнул пальцем в Матвея.

– Кто таков?

– Помощник фармацевта.

– Давно работаешь в аптеке?

– Уже два года.

– Ничего подозрительного не замечал?

– Это вы про кого? Хозяина? Ученый человек, мухи не обидит.

– Соседи жалуются, вроде второго дня летало что-то.

– Простите, птиц не держим.

– Да кабы птицы! Непонятное что-то!

– Не наблюдал. Да вы с хозяином поговорите. Хотите, я позову?

– Непременно!

Матвей спустился по лестнице в подвал.

– Какой-то чин из полиции пришел, вас требует. Говорит, соседи жалуются, какие-то твари из вентиляционной трубы аптеки вылетают.

– Да? – удивился Пель.

Поднялся наверх как был: в белом халате, на рукавах и животе пятна от химикатов, и запах специфический исходит от одежды. За ним – Матвей. Пристав повторил претензии. Пель засмеялся:

– Пройдемте по аптеке, все помещения без утайки покажу.

И провел. Но подвальное помещение за потайной дверцей не показал.

– Ну и где здесь поместиться тварям? И клеток нет.

Для убедительности Пель развел руками. Пристав снял фуражку, платком вытер вспотевшую лысину.

– Ну я жалобщикам задам! Оболгать почтенного человека!

Пель знал, как обращаться с полицией. В руку пристава сунул монету. Пристав кашлянул:

– Благодарствую! Многие лета!

И ушел. Все же Пелю следовало вести себя осторожнее. Об особенностях дворов-колодцев знает, не ему подсказывать.

Несколько недель была тишина. Не слышалось хлопанье крыльев, не было видно над вентиляционной трубой летающих тварей. Матвей подумал, что хозяин либо вывел грифонов за город, в укромное место, либо вовсе избавился от них. Ошибся. А после раздумий решил, что Пель правильно сделал. Если есть золото, полученное алхимией, зачем убирать его верных хранителей? И все же в один из вечеров, когда хозяин уехал из города, любопытный юноша снова проник за тайную дверцу. И пожалел потом. Стоило пройти по коридору, как навстречу вышли сразу два грифона. Огромные, размером почти такие же, как у Банковского моста. Двинулись к Матвею. Он замер в испуге, мысленно себя ругая: зачем поперся в коридор, в котором уже встречался с тварью?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.